

Научная статья
УДК 339.9(510)
<https://doi.org/10.24158/pep.2021.11.6>

К вопросу о факторах роста китайской экономики на современном этапе

Сергей Валерьевич Чичилимов

Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия,
sergeichichilimov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3681-4279>

Аннотация. В работе проводится анализ важнейших факторов роста китайской хозяйственной системы на современном этапе. В их числе выделены: политика реформ и открытости, рост инвестиционной активности, реформирование налоговой системы, емкий растущий внутренний рынок, размещение выводившихся развитыми странами со своей территории промышленных производств, дешевая ресурсная база, ориентация на инновационную экономику. Особое внимание обращается на успешность реформ, которую предопределило оптимальное сочетание внешних и внутренних факторов. В работе также рассмотрены опорные точки развития XIV пятилетки КНР в 2021–2025 гг.: ориентация на качество роста, создание общества «среднего достатка», новый инструментарий превращения Китая в научную сверхдержаву, укрепление социализма с китайской спецификой, купирование экономического спада через внедрение схемы «двойной циркуляции». На основе проведенного исследования определяются фундаментальные причины китайского экономического чуда, а также кратко рассматриваются возможные будущие этапы модернизации Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: валютный контроль, внешняя торговля, государственное регулирование внешне-торговой деятельности КНР, экспорт, налоговое регулирование, мировая экономика

Для цитирования: Чичилимов С.В. К вопросу о факторах роста китайской экономики на современном этапе // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 11. С. 51–56. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.11.6>.

Original article

To the question of the factors of growth of the Chinese economy at the present stage

Sergei V. Chichilimov

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia,
sergeichichilimov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3681-4279>

Abstract. The study analyses the most significant factors in the growth of the Chinese economic system at the present stage. The “Policy of Reforms and Openness”, the growth of investment activity, the reform of the tax system, the capacious growing domestic market, the placement of industrial production facilities withdrawn from their territories by developed countries, a cheap resource base, and an orientation towards an innovative economy are highlighted among them. Particular attention is paid to the success of the reforms, which was predetermined by the efficient combination of external and internal factors. The paper also examines the pivotal points of the development of the 14th five-year plan of the PRC in 2021–2025, focusing on the quality of growth, the creation of a society of “average income”, a new toolkit for the transformation of China into a scientific superpower, the strengthening of socialism with Chinese characteristics, stopping the economic recession through the introduction of the “double circulation”. Based on the study, the author identifies the fundamental reasons for the Chinese economic miracle, and also briefly examines the possible future stages of the modernization of the People’s Republic of China.

Keywords: foreign exchange control, foreign trade, state regulation of foreign trade activities of PRC, export, tax regulation, world economy

For citation: Chichilimov, S.V. (2021) To the question of the factors of growth of the Chinese economy at the present stage. *Society: Politics, Economics, Law.* (11), 51–56. Available from: doi: 10.24158/pep.2021.11.6 (In Russian).

Введение. В своем выступлении от 25 февраля 2021 г. на национальной конференции по борьбе с бедностью глава коммунистической партии Китая Си Цзиньпин заявил, что «Китай...

одержал полную победу над бедностью»¹. Это подтверждают статистические данные: коэффициент бедности в КНР сократился с 49,8 % в 2000 г. до 0,6% в 2019 г.² Такой прогресс достигнут в результате превращения Китая в одного из лидеров мировой экономики. Вследствие реализации реформ по либерализации экономики, идеологом которых выступил Дэн Сяопин, страна достигла впечатляющих результатов. На 2020 г. КНР являлась второй экономикой мира с ВВП 14,7 трлн долл. США (табл. 1), а по величине валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности (ВВП по ППС), Китай занимает уверенное первое место – 24,2 трлн долл.³ Доля КНР в мировой торговле, несмотря на пандемию COVID-19, выросла до 15 %⁴.

Таблица 1 – Динамика социально-экономических индикаторов развития хозяйственной системы КНР⁵

Показатель		1970	1980	1990	2000	2010	2020
ВВП	трлн долл. США	0,092	0,191	0,360	1,211	6,087	14,723
	% от мирового	3,0	1,6	1,5	3,5	9,2	17,3
ВВП на душу населения	долл. США	228,5	347,2	792,2	1 767,9	4 550,5	8 405,1
Промышленность (включая строительство), добавленная стоимость	трлн долл. США	0,037	0,091	0,148	0,552	2,83	5,6
	% от мирового	5,9	15,5	22,5
Сельское хозяйство, добавленная стоимость	трлн долл. США	0,032	0,057	0,096	0,178	0,568	1,127
	% от мирового	8,4	15,7	22,3	30,0
Основные фонды	трлн долл. США	0,022	0,055	0,087	0,395	2,674	6,115
	% от мирового	2,9	1,8	1,5	5,1	17,3	27,2

Как видно из данных табл. 1, экономический рост КНР стабильно продолжается уже 50 лет подряд. Так, ВВП на душу населения за период 1990–2000 гг. вырос в 2,2 раза, 2000–2010 гг. – в 2,57 раза, 2010–2020 гг. – в 1,84 раза. Текущие экономические достижения делают страну фактически локомотивом мировой экономики первых двух десятилетий XXI в. Даже по итогам 2020 г. народное хозяйство Китая осталось единственным среди крупнейших в мире, сохранившим положительные темпы роста (плюс 2,3 % за год)⁶.

В научных кругах сформировались два лагеря мнений относительно будущего развития КНР. В работах О.Н. Борох и А.В. Ломанова (2021), Н.Н. Котлярова и М.А. Потапова (2021), Б.А. Хейфеца (2020) рассматриваются перспективы укрепления китайской хозяйственной мощи и перехода экономики Поднебесной на качественно новый уровень. А такие эксперты, как А.А. Маслов (2020), А.И. Салицкий (2021), М.Л. Титаренко (2015), отдавая должное достижениям китайского народного хозяйства, предостерегают о возможных экономических ловушках, которые могут замедлить темпы роста Китая в будущем. Большинство экспертов сходятся во мнении, что текущие успехи КНР связаны с оптимальным сочетанием действия внутренних и внешних факторов при проведении реформ. Схожую с отечественными специалистами точку зрения высказывают китайские эксперты. В исследованиях С. Вэньхуна (2020), Ц. Гаояня, Ц. Го и Ш. Чжана (2020), С.Е. Ячина, И.В. Купряшкина, М. Хуна (2020) анализируются сценарии развития экономики Поднебесной в среднесрочной

¹ Си Цзиньпин заявил о победе над бедностью в Китае [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4704207> (дата обращения 10.10.2021).

² Магдалинская Ю. «Две сессии»: чудеса развития. Мировое сообщество активно изучает опыт Китая в области сокращения бедности [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/03/26/mirovloe-soobshchestvo-izuchaet-opyt-kitaia-v-oblasti-sokrashcheniia-bednosti.html> (дата обращения 11.11.2021).

³ GDP, PPP (current international \$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?locations=CN> (дата обращения 10.10.2021).

⁴ Nicita A., Razo C. China: The Rise of a Trade Titan [Электронный ресурс] // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/news/china-rise-trade-titan> (дата обращения 10.10.2021).

⁵ Составлено автором по: Agriculture, Forestry and Fishing, Value Added (Current US\$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.CD?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021); GDP (current US \$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN> (дата обращения 10.10.2021); GDP per Capita (Constant 2015 US\$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021); Gross Fixed Capital Formation (Current US\$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021); Industry (Including Construction), Value Added (Current US\$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.CD?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ Донхюн П. Как COVID-19 повлияет на китайскую инициативу Пояса и Пути // Эксперт. 2021. № 39. С. 9.

перспективе, при этом авторы работ акцентируют внимание на возрастающей роли фактора инноваций для обеспечения стабильного развития хозяйственной системы КНР.

Факторы роста китайской экономики. Устойчивый рост китайской экономики обусловлен успешным сочетанием внешних и внутренних факторов развития страны. Выделим главные из них на современном этапе.

В качестве первого из них следует назвать политику реформ и открытости, развернутую в государстве в 1978–1990 гг. Одним из первых преобразований Китая стало разделение экономики на четыре ключевых сектора: оборонную промышленность, сельское хозяйство, науку и промышленное производство, что позволило ему диверсифицировать народное хозяйство и, как показывают данные табл. 1, утвердиться в числе мировых лидеров промышленности и сельского хозяйства.

Вторым фактором выступила дешевизна рабочей силы на начальном этапе реформ. В частности, за 1978–1990 гг. среднемесячные доходы в КНР возросли с 37 до 40 долл.¹, тогда как, для сравнения, в США – с 879 до 1752 долл. Именно доступность трудовых ресурсов долгое время подогревала интерес иностранных инвесторов к КНР.

Третий фактор – емкий растущий рынок. К 1980 г. на территории КНР проживало 22,1 % мирового населения, в 2020 г. – 18 %², однако ВВП на душу населения при этом вырос в 24,2 раза. Китайские власти оказались готовы пожертвовать частью своего рынка и разместить у себя иностранные производства в обмен на инновации и ноу-хау, которые они требовали от иностранного инвестора: обучение инженерного и управляющего состава, а также передачу технологических карт³. Так, уже к 2014 г. объем продаж американских филиалов в Китае достиг 204 млрд долл. США, что выше, чем совокупные продажи в Мексике, Канаде и Индии⁴.

Четвертый фактор – активная инвестиционная политика. Доля финансовых вложений в ВВП КНР выросла с 26,2 % в 1970 г. до 43,1 % в 2020 г.⁵ Еще ярче инвестиционную активность Китая демонстрирует рост основных фондов, в 2020 г. составивших 27,2 % от общемирового итога (табл. 1).

Пятый фактор – активная инновационная политика. Согласно стратегии развития КНР достижение технологической независимости является важной частью усиления «внутренней циркуляции». К концу 2020 г. на территории страны было построено 718 тысяч базовых станций 5G⁶, в стране заработала собственная компьютерная операционная система, созданы условия для производства станков, спутников, ракет⁷, в планах – дальнейшее развитие биомедицины и интегральных схем⁸. Китай уже выдвинулся в лидеры мировой цифровой экономики, заняв по итогам 2020 г. второе место в мире по объему электронной торговли. Темпы роста цифровой экономики в Поднебесной более чем в 3 раза превышают рост ВВП, что свидетельствует о ее ключевой роли в развитии страны. Так, объем цифровой экономики Китая в 2020 г. достиг 39 трлн юаней (около 6 трлн долл.) и составил более 38 % ВВП, во многом предопределив устойчивость народного хозяйства страны к кризисным потрясениям⁹.

Шестой фактор – производственно-структурные сдвиги в политике США, Японии и ЕС в 1970–1990-е гг., точнее, переход к постиндустриальной концепции экономики ряда развитых стран стимулировал перенос их индустриальных мощностей (офшоринг) в Южно-Азиатский регион, в том числе в КНР. Из 14 млн сотрудников филиалов американских ТНК 12 % наняты на территории КНР¹⁰; данный показатель больше, чем на территории любой другой страны.

Седьмой фактор – реформирование системы налогового регулирования и внедрение инструментария НДС. Налог на добавочную стоимость ввели в Китае в 1978 г. С 1994 г. под него попадали все виды товаров. Шкала НДС в Китае на разные виды продукции разная и зависит от статуса

¹ Consumer Prices for October 2021 [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 10.10.2021).

² Population, total – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Вэй Л., Дэвис Б. Как Китай отбирает технологии у американских компаний [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/10/01/782514-na> (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ Hammer A. The Size & Composition of U.S. Manufacturing Offshoring in China [Электронный ресурс] // United States International Trade Commission. URL: https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/sizecompositionebot.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ China Investment: % of GDP [Электронный ресурс] // CEIC. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/investment-nominal-gdp> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ Магдалинская Ю. «Две сессии»: чудеса развития ...

⁷ Бахарев И. Как Китай совершил чудо в экономическом развитии // Эксперт Урал. 2021. № 14. С. 20–23.

⁸ Маринин В. Цели определены // Дыхание Китая. 2020. № 253. С. 7–10.

⁹ Магдалинская Ю. Сила цифровой экономики // Дыхание Китая. 2021. № 221. С. 4–7.

¹⁰ Hammer A. Op. cit.

налогоплательщика и вида товара. Например, 0 % – для экспортных товаров, 6 % – для нематериальных и бытовых услуг, 9 % – для сельскохозяйственной продукции, 13 % (ставка снижена в 2021 г.) – для остальных видов продукции и при импорте. Для предприятий с малым оборотом ставка НДС – 3 %. С 2007 г. возврат НДС в Китае для экспортеров стал практически официально рассматриваться как субсидия для активизации экспортной деятельности. Логика такая же: на сырой продукт выплаты по возврату налога меньше, чем на обработанный (на сырую нефть, например, возврата нет вообще). Кроме того, госорганы КНР могут менять ставки возврата, активно влияя на динамику экспорта (Кинжебаева, 2011). Примечательно, что в последние годы в Китае все активнее распространяется практика отмены возврата НДС при экспорте товаров с малой добавленной стоимостью. В частности, с 1 мая 2021 г. отменен возврат НДС при экспорте 146 из 166 категорий стальной продукции¹. Налог на добавленную стоимость стал в Китае основной формой формирования бюджета – на него к 2019 г. приходится 32,1 % дохода центрального бюджета².

Восьмой фактор – корректировка валютной политики, чему благоприятствовала реформа валютного регулирования. В 1978 г. компартия КНР отдала право осуществления всех внешнеэкономических операций местным властям и хозяйствующим субъектам (Шестакова, 2010). В 1988 г. начались реформы на внутреннем валютном рынке Китая: появились свопы, где китайские экспортёры могли конвертировать свою валютную выручку в юани по более выгодному для них курсу (Шестакова, 2010; Платонова, Ху Епин, 2014), начался переход к двухколейной валютной системе или сосуществованию принципов рыночной и плановой экономики в одной системе, когда одновременно продолжалось административное распределение иностранной валюты государственным регулятором, но предприятия-экспортеры имели право на обмен валютной выручки, которая оставалась в их распоряжении, на своповых рынках (Шестакова, 2010). В 1994 г. Народный Банк Китая перешел к использованию современных инструментов валютного регулирования. В КНР ввели контролируемый государством плавающий курс национальной валюты, благодаря которому китайские предприятия получили бессрочный бонус в виде удобного курса, подстраиваемого под текущую экономическую ситуацию в стране. В это же время в стране появился единый межбанковский рынок, основной задачей которого выступала помощь экспортерам в новой экономической реальности. Успехи реформ на «внешнем» поле деятельности убедительно отражают данные табл. 2.

Таблица 2 – Динамика ПИИ, экспорта, импорта и валютных резервов в КНР³

Показатель		1980	1990	2000	2010	2019
ПИИ	млрд долл. США	0,00008	3,5	42,1	243,7	187,1
	% от мировых	...	1,5	2,6	12,8	10,6
Экспорт товаров и услуг	трлн долл. США	0,011	0,049	0,253	1,65	2,64
	% от мирового	0,5	1,1	3,2	8,6	10,6
Импорт товаров и услуг	трлн долл. США	0,012	0,038	0,224	1,43	2,48
	% от мирового	0,5	0,9	2,8	7,7	10,1
Международные резервы, включая золото, трлн долл. США		0,010	0,034	0,171	2,9	3,2

В 2006–2013 г. в условиях новой системы китайское государство начало процесс активной ревальвации юаня, который сопровождался накоплением международных резервов. В 2013–2017 г. часть из этих средств потратили на валютные интервенции с целью недопущения девальвации национальной валюты. В 2016 г. монетизация экономики КНР достигла 208 % ВВП, насыщенность экономики кредитами более чем в два раза превзошла размеры ВВП, а если прибавить к этому рост

¹ Ивантер А., Кудияров С., Обухова Е., Огородников Е. Скидка для «нахлобученных» // Эксперт. 2021. № 24. С. 13–17.

² Кан Ц., Цзиньчунь С. Как выглядит бюджет образцовой индустриальной страны [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/06/28/kitajskie_nalogi_instrument_rosta (дата обращения: 10.10.2021).

³ Составлено автором по: Exports of Goods and Services (Current US\$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021); Foreign Direct Investment, Net Inflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (дата обращения: 10.10.2021); Import of Goods and Services (Current US\$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021); Total Reserves (Includes Gold, Current US\$) – China [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021).

прямых иностранных инвестиций (ПИИ), то в итоге получается крайне высокая норма накопления. Таким образом, к 2021 г. КНР переориентировала свою финансовую модель с экспорта на поддержку внутреннего рынка¹.

Девятый фактор – вступление Китая в ВТО 11 декабря 2001 г., в результате чего средний уровень тарифов с 15,3 % в 2001 г. снился до 9,8 % в 2010 г. С 2005 г. в Китае отменены основные инструменты нетарифного регулирования: импортные квоты, лицензии, особые требования к тендерам и другие меры для 424 товаров – от автомобилей до натурального каучука. В выигрыше оказалась мировая торговля, мотором которой в XXI в. стала КНР². Стоит заметить, что Китай добился вступления в ВТО на правах развивающейся страны, что позволило ему пользоваться пакетом льгот, предусмотренных организацией для стимулирования экономического роста государств этой категории. Начиная с 2019 г., США пытаются оспорить льготный пакет и статус КНР в ВТО, однако пока безуспешно³.

Десятый фактор – формирование «хаба» глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС). Благодаря вступлению в ВТО и тарифной либерализации КНР стала центральным звеном этого процесса. К 2017 г. степень участия страны в ГЦДС была равна уже 40 %⁴, при этом Китай захватил лидерство в мировых высокотехнологичных цепочках создания стоимости с 2016 г., став крупнейшим в мире экспортером инновационной техники, машин и оборудования⁵.

Заключение. Китай уверенно идет к достижению глобальной экономической гегемонии. Победа над бедностью – очередной шаг к устойчивому развитию хозяйственной системы и итог планомерной сорокалетней работы. Благодаря оптимальному сочетанию факторов роста в КНР создали экономику, востребованную в самых разных отраслях всего мира: большинство компаний мира не могут обойтись без продукции, комплектующих или сырья из КНР⁶.

Однако в 2021 г. китайская экономическая система столкнулась с рядом проблем: в условиях пандемии COVID-19 необходимо искать новые точки роста; с 2014 г. наблюдается дефицит трудоспособного населения; издержки производства, особенно инновационного, стали увеличиваться вследствие исчерпания «преимуществ отсталости»⁷. Курс на преодоление данных проблем и обеспечение дальнейшего поступательного экономического развития лежит в основе стратегии XIV пятилетки и глобальных целей 2035 г., ключевой опорой которых станут принципиально новые факторы роста, внедряемые правительством страны в хозяйственную практику:

1. Упор на качество роста. Создание общества «среднего достатка» к 2035 г. Власти КНР планируют удвоить ВВП на душу населения в реальном выражении в 2 раза – до 20 тысяч долл. США⁸. Также намечена реализация системы зеленой энергетики в стране: выброс углерода на единицу ВВП планируется снизить на 18 %, долю угля в энергобалансе – сократить с 57 % до 50 %⁹.

2. Новый инструментарий превращения Китая в научную сверхдержаву. В частности, предлагается увеличить среднегодовой прирост расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) с 0,4 % до 7 %¹⁰, что поможет достичь Поднебесной технологической независимости; в среднесрочной перспективе рассматривается возможность развития водородной энергетики¹¹.

3. Укрепление социализма с китайской спецификой. Купирование экономического спада через внедрение схемы «двойной циркуляции», в которой основой стабильного экономического роста станет внутренний рынок. В результате в КНР ожидают ежегодный рост ВВП в размере 6 %¹².

¹ Ивантер А. Крадущийся тигр, затаившийся дракон // Эксперт. 2017. № 49. С. 13–15.

² Вэйхуа Ч. Это была хорошая идея. Вступление Китая в ВТО стало фактором мирового экономического роста [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/09/29/vstuplenie-kitaia-v-vto-stalo-faktorom-mirovogo-ekonomicheskogo-rosta.html> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Трамп поручил бороться со льготами в ВТО для стран, которые притворяются развивающимися [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/670626> (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade and Workers in a Globalized World [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/publication/global-value-chain-development-report-2019> (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ Seric A., Tong Y.S. China and Indonesia's Experiences in Global Value Chain Participation [Электронный ресурс] // IAP. URL: <https://iap.unido.org/articles/china-and-indonesias-experiences-global-value-chain-participation> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ Бурков А. Колонка редактора // National Business. 2021. 5 мая.

⁷ Попов В. Замедление Китая: судьба или выбор? // Эксперт. 2020. № 12. С. 34–37.

⁸ Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР : аналитическая записка K6/03/2021 / В.Б. Кашин [и др.]. М., 2021. 25 с.

⁹ Развитие энергетики в период 14-ой пятилетки : аналитическая записка K7/06/2021 / В.Б. Кашин [и др.]. М., 2021. 25 с.

¹⁰ Щепкин К. Движение вверх // Дыхание Китая. 2020. № 253. С. 3–7.

¹¹ Развитие энергетики в период 14-ой пятилетки ...

¹² Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР ...

Социально-экономическим фундаментом стабильного роста, как ожидается, станет национальный патриотизм, склонность китайского общества к реформаторству и сплоченность представителей 56 национальностей, проживающих на территории Китая¹.

Таким образом, на современном этапе развития Китай не собирается снижать темпов своего экономического роста, перенеся в будущее лучшие из своих экономических наработок и определив стратегию использования новых идей для преодоления вызовов времени.

Список источников:

- Борох О.Н., Ломанов А.В. От переосмысления советской модели к поиску китайского пути // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 7. С. 44–55. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-45-55>
- Вэньхун С. Вызовы кибер-суверенитету и ответные меры // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 2. С. 89–99. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-89-99>
- Кинжебаева Е.В. Эволюция механизма правоприменения НДС во внешнеэкономической практике Китая // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2011. № 6. С. 162–166.
- Маслов А.А. Возможности и комбинационности китайской стратегии «Пояс и Путь» для национальных экономик Юго-Восточной Азии // *Экономика промышленности*. 2020. Т. 13, № 4. С. 482–493. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-4-482-493>
- Платонова И.Н., Ху Епин. Либерализация валютной политики Китая // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2014. № 12. С. 19–33.
- Потапов М.А., Котляров Н.Н. Китай на мировых рынках капитала // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 8. С. 81–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-81-89>
- Салицкий А.И. Два Контур: Китай ответил на вызовы 2020 года // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 3. С. 48–60. <https://doi.org/10.31857/S013128120015120-3>
- Титаренко М.Л., Ломанов А.В. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // *Проблемы Дальнего востока*. 2015. № 3. С. 17–28.
- Хейфец Б.А. Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России // *Вопросы экономики*. 2020. № 6. С. 104–120. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-104-120>
- Чжан Ш., Го Ц., Гаоянь Ц. Развитие национальной школы политологии в Китае // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 11. С. 84–95. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-84-95>
- Шестакова Я.А. Валютная политика КНР и ее влияние на экономическую стабильность страны // *Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета*. 2010. № 16. С. 202–214.
- Ячин С.Е., Купряшкин И.В., Хун М. Перспективы гегемонии в Восточной Азии в свете мир-системного подхода // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 1. С. 35–45. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-35-45>

References:

- Borokh, O. N. & Lomanov, A. V. (2021) From Rethinking the Soviet Model to Searching for China's Path. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65 (7), 44–55. Available from: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-45-55> (in Russian).
- Kheyfets, B. A. (2020) Technological Rise of China: New Challenges for Russia. *Voprosy ekonomiki*. (6), 104–120. Available from: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-104-120> (in Russian).
- Kinzhebaeva, E. V. (2011) Evolution of Vat Enforcement Mechanism in Foreign Trade of China. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 6, 162–166 (in Russian).
- Maslov, A. A. (2020) Opportunities and Combinations of Chinese «Belt and Road» Initiative for National Economies of Southeast Asia. *Ekonomika promyshlennosti*. 13 (4), 482–493. Available from: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-4-482-493> (in Russian).
- Platonova, I.N. & Hu Epin (2014) Liberalization of China's Foreign Exchange Policy. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. (12), 19–33 (in Russian).
- Potapov, M. A. & Kotlyarov, N. N. (2021) China in Global Capital Markets. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65 (8), 81–89. Available from: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-81-89> (in Russian).
- Salitsky A. I. (2021) Two Circuits: China's Response to 2020 Challenge. *Problemy Dal'nego Vostoka*. (3), 48–60. Available from: <https://doi.org/10.31857/S013128120015120-3> (in Russian).
- Shestakova, Ya. A. (2010) Valyutnaya politika KNR i ee vliyaniye na ekonomicheskuyu stabil'nost' strany [Monetary Policy of PRC and its Impact on the Economic Stability of the Country]. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. (16), 202–214 (in Russian).
- Titarenko, M. L. & Lomanov A. V. (2015) Political and Cultural Aspects of Strategy of Formation China as a Great Power. *Problemy Dal'nego Vostoka*. (3), 17–28 (in Russian).
- Wenhong, Xu (2020) Challenges to Cyber Sovereignty and Response Measures. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 64 (2), 89–99. Available from: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-89-99> (in Russian).
- Yachin, S. E., Kupriyashkin, I. V. & Hung M. (2020) Perspectives of Hegemony in the Eastern Asia in Light of the World-System Approach. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 64 (1), 35–45. Available from: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-35-45> (in Russian).
- Zhang Sh., Guo J. & Gaoyan Q. (2020) Development of a National School of Political Science in China. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 64 (11), 84–95. Available from: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-84-95> (in Russian).

Информация об авторе

С.В. Чичилимов – аспирант Института экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1127547.

¹ Бахарев И. Как Китай совершил чудо в экономическом развитии // *Эксперт Урал*. 2021. № 14. С. 20–23.

Information about author

S.V. Chichilimov – PhD student, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1127547.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.10.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.11.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 18.11.2021.